

ДАНИИЛ
БЕЛИНСКИЙ

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

АССИСТЕНТКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Белинский

Ассистентка

«Автор»

2026

Белинский Д.

Ассистентка / Д. Белинский — «Автор», 2026

1989 год. В эпоху, когда по телевизорам Москвы мошенники гипнотизируют миллионы, а банки с водой становятся полноправными зрителями, двадцатипятилетняя аспирантка психологии Василиса стоит за кулисами хабаровского чуда. Она работает ассистенткой «народного целителя» Бирюзы, выполняя роль режиссёра света, звука и сценариста веры народа, который рублями набивает их с профессором карманы. Одно слово целителя — и хромы встают. Один жест — и вода становится «святой», а водка — «живительной». Но однажды незнакомая женщина просит у Бирюзы помощи, и чудо оборачивается приговором, когда целитель принимает свежееотпечатанные доллары. Зачарованная икона. Деньги. Кровь. И дорога длиною в несколько лет, на которой судьба отбирает у Василисы всё, ломает её, но оставляет шанс вернуть себе жизнь любой ценой.

© Белинский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даниил Белинский

Ассистентка

Глава 1

21 октября 1988 года. Хабаровск.

Город медленно пробуждался под тусклым, стальным небом. Улицы только начинали наполняться звуками, нехотя впуская в себя новый день. Холод сковывал тротуары тонкой хрустящей коркой, но снег ещё не выпал, лишь следы ночного инея, осевшие на крышах автомобилей и деревянных скамейках в скверах. В нескольких десятках метров проезжали трамваи — скрипучие и уставшие, как старики. Их стёкла, запотевшие изнутри, покрылись белёсым налётом за которым угадывались безликие силуэты людей.

Ассистентка выжидающе стояла у подъезда хрущёвки и, поёживаясь, куталась в шарф от навязчивого, пронизывающего ветра. Периодически, дыша паром на ладони, она потирала их друг о друга, чтобы отогреть.

Василисе надлежало прибыть в краевой театр драмы без четверти девять: в девять началось выступление профессора Бирюзы, и опоздание исключалось. Но прежде, девушке необходимо было дождаться сына профессора — первокурсника политехнического института, которому хватило пары месяцев, чтобы понять: учёбу он терпеть не может и, пожалуй, лучше бы выбрал армию.

Ржавая пружина протяжно заскрипела, с наличников посыпалась облупленная краска. Семнадцатилетний Дима вылетел из подъезда, едва не выбив дверь ногой. Всклоченные волосы, цвета вороного крыла, падая на лоб, лезли ему в глаза. Он раздражённо тряхнул головой, не останавливаясь. Казалось, что Дима ничерта не видит под своими патлами, но тот шагал уверенно, на ходу натягивая чёрно-жёлтую куртку с облезлой надписью «Adidas». Завидев знакомую, парень приветственно замахал и ускорился.

Она передала ему ключи от машины Бирюзы, окинув недовольным взглядом.

— Сколько можно ждать? Я околела уже.

— Ой, ну простите, ваше величество, — насмешливо ответил сын профессора.

— Не ёрничай, «Москвич» за углом улицы, — безэмоционально проговорила Василиса, шмыгая замерзшим носом. — Заводи с подсосом.

— Да знаю я, не первый раз же. — откланялся он и, подкинув в руке брелок, ловко схватил связку в воздухе.

— Успеешь на пары?

— А фиг его знает, — безразлично улыбнулся Дима. — Кстати, заранее с днем рождения! Двадцать пять — это не шутка!

Первокурсник достал сигареты и рванул в сторону автомобиля, наспех бросив через плечо:

— Бате только не говори про сиги!

— Скажу, не сомневайся.

— Лады, валяй! — Сын профессора вытянул большой палец вверх, скрываясь за фасадом дома.

Девушка усмехнулась, провожая парня взглядом.

Василиса была протеже его отца, человека, исцеляющего недуги доверчивых людей. Но не так, как в поликлиниках или больницах. Профессор шёл в ногу со временем и, прикрываясь целительством, с завидным рвением эксплуатировал чужие боли, страхи и безмолвную веру, питая свою корысть. Ни врач, ни маг — артист с тонким чутьём на человеческие слабости.

Их вера в его слова, вот истинная панацея. Раз маэстро сказал, что ты поправишься, а боль пройдёт, то так тому и быть.

Он знал, когда замолчать, когда вздохнуть, бросить взгляд в зал так, чтобы тот затрепетал. А точнее, понимал это, если подсказывала Василиса: невидимый и незаменимый джокер, которого мечтал бы заполнить в свою колоду любой уличный шулер.

Стоило Бирюзе взойти на подмостки, и хромые, цепляясь за край кресел, поднимались на ноги, а банки с обычной водой становились на вес золота, когда он касался их своим голосом. Да хоть деревенскую бражку прихватите, или самогонку поглубже — нет беды. Побольше несите — маэстро зачарует, и пейте смело, от пали не помрёте.

Желаете чуда? Извольте восемь рублей за вход, как за две бутылки «Столичной» и селедку на сдачу. Абсурд? Вовсе нет.

Никакого божественного вмешательства, разумеется. Да и куда оно, когда по подворотням плодятся религиозные секты, настойчиво толкующие об откровениях и конце света, промывая народу мозги, отдаляя от веры. Секты — явление богомерзкое, но, к сожалению, ставшее привычным. Это не стиль Виктора Андреевича.

Идолы Василисы и Бирюзы были иные: Кашпировский и Чумак. Негласные коллеги, творившие свои чудеса на экранах ТВ, с гипнозом, операциями без наркоза, зачарованной водой, прочей ерундой. Они смело шли ва-банк, размывая границы дозволенного, отринув мораль. И обман становился благом, если только его совершали те, в кого хотелось верить. А верили им миллионы.

Но всё это там, в Москве, где за Кашпировским и Чумаком стояли всемогущие чиновники из партии. А здесь же — Хабаровск. Далёкий от столицы Восток, где уже окрепла своя негласная и жадная до барышей власть. Чем дальше от Бога, тем ближе к истинному просвещению. Мы одиноки, но самостоятельны, без надсмотрщиков, без покровителей, пускающих слюни на всё блестящее и шелестящее. А святая троица, которую наш народ променял на гипноз по ТВ, тихо откланялась и удалилась, не прощаясь.

Во всей этой бесконтрольной вакханалии, что творилась в стране и городе, Василиса оставалась в тени, за кулисами. Она следила, чтобы лампа светила под нужным углом, звук шёл чисто, техник не утопал в алкогольном затмении, а у сцены вовремя включали лёгкий туман. Всё должно быть правдоподобно и выверено, профессор не имеет права сбиться с роли, а иначе, их «целительное воздействие» канет в лету.

Иногда Бирюза выводил её на сцену для эффекта, желая продемонстрировать свою свиту в одном лице, где ассистентка играла роль правой руки.

За кулисами он говорил:

— Василиса, всмотришься в зеркало, в свой взгляд. Как ты им искусно играешь. Не прячься. Направь его в зал, прямо в людей. Пусть почувствуют твою силу.

Люди её и правда любили и, порой, проявляя бестактность, хватали за руки, чтобы вымолить чудо. Хотя это и тешило самолюбие, она осозновала — игра на публику для неё чужда. Василисе нравилось быть серым кардиналом: не светиться, оставаться невидимой, управлять процессом и дёргать за ниточки, как кукловод.

Этот обман таился не в их с Бирюзой фокусах, а в самой эпохе и народе. Для одних, потерявших всякую надежду: из-за холодных очередей, беспомощной медицины, пустых аптечных полок, спиртового угара, закрытых стен огромной страны, трещащей по швам, общей безнадёги. Для других, кто верил в лучшее: несбывшихся надеждах, светлом будущем, необычном и новом, просветление и откровение.

В общем и целом, разные взгляды, готовые слушать и платить за красивые слова.

При всём этом, мошенницей Василиса себя не чувствовала. Их выступления давали людям надежду. Пусть ненастоящую, но тщательно оформленную и сладкую, как торт

«Сказка»: с кремовыми завитками, блестящей шоколадной глазурью, обещанием чуда в каждом слое бисквита, и, как водится, пустой сценой в финале.

Пошёл небольшой дождь, который, как казалось, был не рад обнаружить себя над Хабаровском и рыдал с каждой минутой всё сильнее. Девушка, поджав плечи, ускорила шаг, пересекая осенний парк и перепрыгивая лужи, надеясь не запачкать любимые сапоги. Ветер, словно старый приятель, увязался за ней, подталкивая в спину и гоняя в воздухе опавшую листву.

Вскоре она добралась до пятиэтажного здания, облицованного коричневым кирпичом. Справившись с очередной лужей, Василиса поднялась по мокрым ступеням, ведущим ко входу.

Наручные часы, покрытые каплями, показывали: до сеанса оставалось пятнадцать минут.

Все пришедшие уже расселись в зале, занята была примерно треть мест, как всегда. Могло быть и больше, но утро пятницы не лучшее время, а вечерние часы директор театра выделял репетициями или постановкой пьесы «Без вины виноватые», проходившей с аншлагами.

Впрочем, результат был неплох, около ста двадцати человек, что давало примерно девятьсот шестьдесят рублей. Половину забирал ушлый директор, ещё процентов десять уходило на технический персонал и обслуживание, несколько — на посадных уток: десяток «пациентов», грамотно раскиданных по рядам. Ну и плюс брошюры, с листовками и объявлениями. В сухом остатке двести пятьдесят-двести восемьдесят рублей. Часть суммы — ей. Скромно, но для молодой девушки достойно.

Ещё полгода таких сеансов, и можно попробовать выйти в эфир, на радио. Пока вероятность этого оставалась призрачной, хоть накопления уже были приличные, что в будущем позволило бы Бирюзе через свои связи аккуратно «подмазать» нужных людей в горкоме. Такой широкий шаг «в народ» — взлёт и перспектива для раскрутки.

Стоя у входа, помощница Бирюзы внимательно смотрела в зал, вытирая мокрые от дождя ладони о джинсы. Публика тихонько перешёптывалась, что не могло не радовать. Мёртвая тишина — плохой знак, вялая толпа — вялый выхлоп. После сеанса нужен огонь, чтобы люди загорелись, обсуждали, а сарафанное радио не замолкало, раскидывая сети для других рыбёшек.

Василиса расстегнула кожаную косуху, подтянула ремешок сумочки и поправила каштановые волосы на плечах, слегка взъерошив их для пышности, насколько это было возможно после непогоды. Затем, осторожно прикрыв за собой двери, в надежде остаться незамеченной.

Не тут-то было. Где-то впереди, в последнем ряду, обернулась грузная и растрёпанная женщина, чуть не свернув себе шею. Увидев вошедшую, её глаза округлились. Она поднялась и расталкивая других поспешила к Василисе, заплетаясь в собственных ногах. Через мгновение, та бесцеремонно подлетела в упор, тяжело вздыхая и бросая на ходу скрипучим голосом:

— Ой, здравствуйте, Василиса Егоровна.

— Здравствуйте, — негромко поздоровалась помощница Бирюзы.

Незнакомка нагло схватила ассистентку за руку, крепко, с мольбой.

— Извините, у меня беда. Муж совсем уж пропадает. Пьёт без просвету, третий день не слезает с дивана, на работу не ходит, пялится в потолок. Боюсь, что «белка» на пороге.

Женщина говорила быстро и сбивчиво.

— А вы же с профессором на короткой ноге. Можете его попросить? Ну хоть словечко замолвить? А то я понимаю — народу тьма, не добраться до него. А вдруг выйдет через вас? Он же сможет помочь? Зачаровать для меня... заговорить воду, или как это у вас называется?

Василиса промолчала, чуть приподняв бровь. Посетительница застенчиво улыбнулась, в надежде найти подход к помощнице Бирюзы.

— Ну или вы сами? Вы же тоже силой обладаете...

Устало вздохнув, ассистентка отдернула руку, стараясь не показывать неприязнь. От незнакомки за версту разило перегаром. Белки её глаз уже давно пожелтели, а лицо опухло и покрылось сеточкой лопнувших капилляров. Похоже, «белка» угрожала не только её мужу, но и ей, а война между воображаемыми грызунами и этими людьми виделась неизбежной.

— Извините, но здесь все в одинаковом положении. Понимаете? — помощница Бирюзы установила зрительный контакт, не моргая и хладнокровно глядя на неё.

Взгляд Василисы, когда ей требовалось, становился каменным взглядом Горгоны.

Та притихла и отступила, а физиономия вытянулась. Девушка продолжила спокойно и располагающе, удовлетворённая правильной реакцией посетительницы.

— Не переживайте. Уверена, что профессор поможет. Будьте терпеливы, ведь терпение вознаграждается. Даже если сегодня не получится, то в следующем месяце. А тогда, так уж и быть, замолвлю за вас словечко.

— А может... Может, вы, ну... — она вынула из кармана скомканную красновато-коричневую купюру и протянула её дрожащей рукой.

Ассистентка чуть замешкалась, едва заметно скривилась, но всё же взяла бумажку.

— Как вас зовут? — отрывисто уточнила Василиса, пряча рубли в карман куртки.

— Людмила Павловна, — выдохнула женщина прямо в лицо, улыбаясь желтоватыми зубами.

— Хорошо, попробую. А сейчас, будьте так добры, займите своё место, — кивнула девушка, указывая в ряд.

Дама с перегаром поспешила обратно, шепча слова благодарности себе под нос. Василиса безгласно отогнала от себя этот запах рукой и ещё раз бегло осмотрелась.

Зал дремал. Обветшалый и утомлённый бесчисленными выступлениями, он был пропитан запахом старых, измученных кулис и нависших в полумраке сводов, затаившихся в ожидании очередного представления. В воздухе мерно кружилась пыль, оседая на перила, сцену, спинки бархатных кресел и паркет, стёртый до блеска подошвами башмаков. Балконы пустовали, все зрители разместились внизу.

Кое-где сидели старушки в платках, прижимая к груди стеклянные банки с водой, кто-то тихо шелестел газетой, кто-то простуженно кашлял. На привычном месте находился и тощий, широкоплечий мужчина, вальяжно развалившийся в первом ряду. Он, ожидаемо держал перед собой блокнот и, как всегда, был одет в чёрное пальто, с широкой, конусной шляпой. Всем своим видом незнакомец давал понять: находиться здесь ему неприятно, но работа есть работа. Этот товарищ каждый раз приходил на выступления и записывал всё происходящее, в надежде подловить маэстро на лжи, чтобы потом в сводке «Приамурских ведомостей» сенсационно разоблачить «шарлатана».

Ох, Шляпник. Ну привет, соколик.

Оплошностей допустить нельзя. Все должно быть на высшем уровне, никакой фальши.

Из первого ряда Василиса выцепила взглядом худощавого парня в лиловом пиджаке и с повязкой на колене. Тот подмигнул, сообщая жестом, что всё под контролем. С Лёшей они были знакомы с института. Сейчас же, бывший сокурсник, будучи тем ещё пронырой, исполнял негласную роль координатора подсадных.

Дежурный свет разливался мягким теплом, делая лица одинаковыми, выцветшими, как на старых фотографиях. Акустическая система едва слышно шипела, наполняя помещение фоновым гулом, а микрофон на тонкой стойке застыл в ожидании ритуала. Выступление вот-вот начнётся.

Василиса торопясь к профессору, ловко обогнула ряд, проскользнула вдоль стены, взбежала по деревянным ступенькам к сцене и бесшумно нырнула в служебный проход. По залу прокатился тихий шёпот:

— Экстрасенс. Это она, Василиса Егоровна.

Профессор в последнее время щедро приправлял свои выступления легендой. Называл Василису экстрасенсом в четвёртом поколении. Пускал слухи, что её прабабка лечила самого царевича Алексея от гемофилии и водила шашни с Распутиным.

Всегда, когда Василиса слышала этот абсурд — краснела, хоть и понимала, зачем всё это. Миф добавлял и без того загадочному образу, ту самую крупицу мистицизма, необходимую Бирюзе, который явно готовился передать дело своей жизни в её руки. Ему шел шестой десяток, он неумолимо старел и чах. Порой, в гримёрке или на лестничной площадке, тот отхаркивал кровью в платок, украдкой, как будто это было не с ним. Знали об этом недуге только близкие.

Сначала Бирюза утверждал, что застудил бронхи. Но время шло, и ассистентка начинала догадываться: туберкулёз, возможно, уже запущенный. Прискорбно, но лечиться тот не собирался. «На это нет времени, медицина не поможет, только нервы тратить», — с вечным раздражением отмахивался он.

Парадокс, целитель помогал сотням, а сам угасал день за днём.

Эта ширма с “исцелением” выстраивалась ими давно. Сотрудничество началось ещё во времена учёбы в университете, с первого курса. Затем, когда она получила диплом в двадцать три, а год назад, в двадцать четыре, поступила в аспирантуру по медицинской психологии, стала ещё плотнее подключаться к деятельности профессора.

Будучи условной сиротой, Василисе нужно было как-то зарабатывать и поскорее слезть с шеи тётки. Мать ушла из семьи, когда дочери исполнилось восемь лет, и затерялась где-то в Ленинграде. Отец погиб в Афганистане, когда девочке стукнуло семнадцать, но она не отчаивалась, смирилась, рано повзрослела и быстро стала самостоятельной. Бирюза всё это время поддерживал её, Василиса была его любимицей и в университете, и на кафедре.

В долгу ассистентка не осталась, помогла ему стать успешным. Всё, что стояло за его образом, по большей части являлось её заслугой. История, подача, стиль, даже фамилия. Ну кто всерьёз поверит какому-то Лиходееву, пусть даже уважаемому и известному в узких кругах профессору? Звучит как фокусник из сельского клуба или аферист из бульварного романа. А вот Бирюза — совсем другое дело: мягко, чисто, обнадёживающе, почти как лекарство.

Василиса лёгкой походкой прошла по коридору, упёрлась в тупик и толкнула плечом скрипучую дверь гримёрки.

И вот он — маэстро.

Глава 2

Помещение прозябало в вечной полудрёме, изредка вздрагивая под мерцающей потолочной лампой.

Бирюза стоял у зеркала и впопыхах завязывал галстук, который то и дело норовил выскользнуть из рук. На мужчине был потрёпанный временем коричневый вельветовый костюм и накрахмаленная белая рубашка, подчёркивающая бесформенный живот. Впалые щёки, прямой, широкий нос, самый что ни на есть обычный, очки в широкой оправе с выпуклыми линзами, как у каждого второго мужчины, страдающего дальностью зрения. Кульминационная лысина с редкими волосами по бокам. Ростом на десяток сантиметров выше ассистентки. Самый простецкий мужичок, ничем не выделяющийся из общей массы снаружи театра, но безмерно выделяющийся на своих выступлениях.

Василиса прикрыла за собой дверь гримерки и поздоровалась. Поприветствовав её в ответ, тот поинтересовался:

— Ну как там? Все хорошо?

— Да, одна треть уже заполнена, свет и звук готовы, люди ждут. Шляпник из газеты тоже на месте, — отрапортовала ассистентка и принялась осматривать полки, что-то ища.

— Да я не про это. Удалось передать ключи? Дима успеет в институт?

— Если честно, без понятия, я не нянька, — колоко сказала она, перебирая вещи трупы. — Но учёба в его интересах, ведь так?

Виктор Андреевич кивнул, поправил воротник и поиграл носогубными складками, широко приоткрыв рот, разминая свою артикуляцию.

— А сигаретами от него не пахло?

— Я же не ищейка и не нюхала. И ему уже семнадцать. Даже если и курит, вам не всё равно?

— Да, но не в квартире, — крикнул он, выпятив подбородок в своё отражение. — А ты что там ищешь, “не ищейка”?

— Ничего особенного... — отмахнулась Василиса, распахнув старый холодильник «ЗиЛ Москва» и, на миг замерев, вытащила закрытую чекушку водки.

— Так, а ну не юли. Что там?

— Да женщина какая-то просила заговорить воду для мужа. Пьёт, говорит, без перерыва.

— Заговорить? Прямо на сцене что ли? — широко раскрыл глаза он, а выпуклые линзы сделали их ещё больше.

— Нет, конечно, — удивилась Василиса и подойдя к столу, взяла ручку с листком, после чего начала в спешке что-то писать. — Вы же помните: не работаем по одиночным просьбам из зала. Никто из присутствующих не особенный. Уделяем внимание всем, а не кому-то одному. А то нарвёмся на негативный фон. Этого избегаем, всё должно быть по сценарию, — с нотками нравоучения тараторила Василиса, что-то выводя ручкой.

— Да помню я, помню. Поэтому и спросил.

— Вот, — закончила девушка и отбросила ручку на столешницу. — Если что — это от вас. Чекушку и записка, что заговорили её. Ну и с наилучшими пожеланиями для Людмилы Павловны и супруга.

— Как-то это безнравственно, не находишь? — пригорюнился Бирюза, застегивая пуговицы пиджака и расправляя складки рубашки у ремня. — Надо бы воду.

— Бросьте, какая вода? Разве алкоголик обрадуется ей? И потом, как мне её нести? Не в кружке же. Бутылок для таких случаев у меня с собой нет, разве что у вас завалилась парочка, — хмыкнула она, сворачивая записку вокруг склянки.

Бирюза промолчал, наблюдая за действиями помощницы через отражение зеркала.

Василиса повесила косуху на вешалку, подошла к зеркалу и всмотрелась в утренний макияж, нанесённый наспех. Едва заметные тени не смазались, да и аккуратные румяна держались на месте. Но вот небольшой прыщик под правой щекой в свете гримерки выглядел куда отчётливее, чем в зеркальце на домашнем серванте.

Она подошла к своей сумочке, достала тюбик «БАЛЕТ», выдавила каплю на подушечку указательного пальца и замазала щеку. Коварное покраснение скрылось под тёплым оттенком тонального крема, а рецепторы обоняния уловили нежный, цветочно-пудровый запах.

— Мы готовы? — обернулся Бирюза, щёлкнув каблуками туфель. — Пять минут до старта.

— Я да. А вы? — закончила прихорашиваться Василиса и взглянула на него.

Тот кивнул и направился в коридор. Ассистентка последовала за ним, готовясь к представлению, где она должна выйти первой, чтобы представить публике маэстро.

— Ты как, у кулис будешь или со всеми? Я бы хотел, чтобы ты села на задних рядах. Мне так мне комфортней.

— Ну-у, — протянула она, на секунду призадумавшись. — Только если пообещаете не выделять меня перед залом и не рассказывать байки про экстрасенсов.

Профессор пробурчал что-то нечленораздельное и спустя пару секунд согласился, одобритительно подмигнув. Помощница улыбнулась и дала напутствие:

— Сегодня хороший зал, всё пройдет как по маслу. Только не забывайте: голос грубее, спина прямее, плечи расправить. Вы не на кафедре, перед вами не студенты.

— Да что же ты, ну? Как с ребёнком, ей богу, — цокнул он языком. — Не первый раз, я всё помню и знаю.

— Знать-то знаете. А как в азарт войдёте, то забываете про осанку и понижаете голос, бормочите. Просто напоминаю.

— Василиса, тебе бы снова старостой в балетный кружок при институте. А то как выпустилась, теперь некого гонять, кроме меня. Ну или замуж, на худой конец. Как раз через полтора года аспирантуру закончишь, родишь ребёнка и займёшься делом, а не будешь старика строить. Начнёшь свои приёмы на семье отрабатывать, у тебя это прекрасно получится.

— Я и так при деле. Работа тот ещё муж и ребёнок. А вы, мой вечный полигон для отработки приёмов. Да и балет дело прошлое, и детские забавы.

Он рассмеялся.

Сцена уже была перед глазами. Ассистентка сделала глубокий вдох, подождала три секунды и вышла к центру.

Свет стал ярче и сфокусировался белым кругом, выхватывая стойку с микрофоном, но не ослепляя. Только что перешёптывавшийся зал замер, все взгляды устремились на неё. Василиса приподняла подбородок и приблизила губы к микрофону, встав на мыски. Стойка была подогнана под профессора — высоковато для её роста в сто шестьдесят пять сантиметров, но не критично.

— Уважаемые дамы и господа. Меня зовут Василиса... — начала было девушка и сразу же прервалась.

На полуслове тишину разорвали точечные хлопки и громкий свист, что стало неожиданностью и выбило из ритма. Смутившись, она всмотрелась в их источник. Хлопать и свистеть начали подсадные. Первым — Лёша в лиловом пиджаке, лучезарно улыбаясь ей. Остальные люди быстро подхватили и помещение наполнилось воодушевленным гулом сотни голосов.

Василиса недобро зыркнула в сторону товарища по институту, а затем на Бирюзу, стараясь не сбросить маску очарования.

Ну профессор, старый жулик, даже здесь подсуетился. А тебе, Лёша, я потом выскажу. Будешь у меня процент просить, так я тебе фигу с маслом дам.

Наконец-то шум стих, а ассистентка смогла продолжила:

— Спасибо, спасибо! Но давайте прибережем аплодисменты для того, кто этого действительно заслуживает. — Василиса заулыбалась и поклонившись публике, перевела взгляд на Бирюзу.

Его лик, скрытый за кулисами, засиял светом, вперемишку с хитрой и удовлетворенной гордостью.

Ассистентка вновь обратилась к зрителям:

— Уважаемые дамы и господа, мы рады видеть вас на десятом официальном выступлении великого народного целителя, человека, который дарит нам надежду, заботу и, главное, забирает нашу боль!

Сделав полшага назад и взметнув руки в стороны, она громогласно произнесла:

— Прошу, поприветствуйте на этой сцене неподражаемого профессора точных наук и наук недостижимых взору, проводника астрального и глубинного — Виктора Андреевича Бирюзу!

Зал взорвался аплодисментами. Маэстро вольготно вышел на сцену с прямой осанкой, отвешивая поклоны.

Василиса ретировалась к краю, сошла по ступенькам и направилась вдоль рядов, добравшись до последнего, после чего проскользнула между кресел и села посередине. Достав чекушку, ассистентка окликнула женщину, которая не сводила глаз с профессора.

— Уважаемая... — сквозь гул позвала Василиса.

Та, вся очарованная фигурой Бирюзы, не обращала никакого внимания. Помощница прокашлялась и щёлкнула пальцами над ухом Людмилы Павловны, в надежде привлечь её внимание. Ответа не последовало. Не дождавшись реакции, ей пришлось потрепать женщину за плечо.

— Людмила Павловна! Ваша зачарованная водка.

Дама с перегаром повернулась, не убирая с физиономии восторженного счастья.

— Ой, Василиса Егоровна, не заметила вас, извиняюсь, — выпалила та и потянувшись к бутылочке, замерла, — Погодите, товарищ Бирюза водку зачаровал, не воду? Вот те раз!

— Водку, водку. Не переживайте, она целебная. От неё с белкой точно не подружитесь.

— Ну конечно, что это я... — пробормотала та и едва коснувшись пальцами заветной склянки, как девушка отдёргнула руку.

— Только, прошу, учтите, досталась она непросто. Сами понимаете, дефицит после антиалкогольной кампании. Пришлось взять из запасов труппы, утащила без спроса. Какой-то артист не досчитается. Неловко будет. Поэтому, если сможете, подкиньте ещё немного рублей, чтобы я компенсировала.

Людмила Павловна приуныла и захотела что-то сказать, но промолчала. Порывшись в кармане, она выудила мелочь и протянула её ассистентке. Василиса учтиво кивнула и, передав склянку, направилась в самый конец, где было удобнее наблюдать за представлением.

Устроившись у прохода и положив сумочку на соседнее кресло, помощница уселась комфортабельнее, замечая, как Людмила Павловна открутила крышку и, не теряя времени, залпом проглотила содержимое чекушки.

Василиса усмехнулась.

Зал постепенно затихал, профессор стоял в ожидании. Он знал паузы и когда дать публике утихомириться. Но в моменте, то ли залюбовавшись на людей, то ли витая в облаках собственного великолепия, замер больше положенного. Василиса мигом вскинула руку над головой и сделала движение кистью.

Бирюза заметил и тут же прокашлявшись, ожил.

— Дорогие мои... — начал он низким, округлым голосом, не глядя прямо, а как бы скользя по собравшимся. — Я рад видеть вас здесь. Это — не просто встреча. Это — работа. Работа над собой, над телом, над душой.

Каждое слово звучало, как отдельная капля, медленно стекающая по стеклу. Где-то на втором ряду женщина вытирала глаза платком. Кто-то потянулся всем телом к сцене, будто уже понял главное и готовился вобрать в себя дары свыше.

— Мы пришли не за чудом. Мы пришли за истиной. А истина, друзья мои, проста. Тело ваше — сосуд. А боль в нём — это память о страданиях.

Он подошёл ближе к микрофону и прокашлялся сильнее, но в этот раз с хрипом в лёгких. Кашель нарастал с каждым мгновением.

— Мы вытесним, вашу боль и страхи... — он попытался продолжить, но получилось скудно. Очень.

У Василисы остановилось сердце. Она заметила, как профессор обмякло потянулся к своему карманному платку, а Шляпник приободрился, приподняв голову.

Момент застыл. Девушка подскочила и крикнула на всё помещение с фальшивой иронией:

— Виктор Андреевич, других лечите, а от сегодняшней погоды не увернулись! Про себя тоже не забывайте!

Этот экспромт предоставил кратковременную паузу. Собравшиеся прервали тишину и рассмеялись, оборачиваясь в её сторону. Помощница смотрела прямо на Бирюзу. Тот не достал платок, поднес рукав пиджака к губам и незаметно протёр их, пока люди глазели на Василису.

— Спасибо, спасибо, моя дорогая! Ты как всегда права! — вернулся Бирюза, сумев побороть приступ. — Давайте же начнём!

Зрители с позитивом захлопали в ладоши.

Ассистентка опустилась на своё место, вцепившись в подлокотники акульей хваткой.

Бирюза вещал, притягивал взгляды и вновь стал собой. Шляпник раздосадованно ссутулится.

Ладно, ничего страшного, вроде бы пронесло.

Интонация у маэстро выровнялась и стала сдержанней, но с нажимом. Плечи расправлены, подбородок приподнят, глаза пылают.

— Сегодня здесь, среди вас, есть те, кто не может спать. Кто устал от всепоглощающей боли. Поднимите руку.

Руки, ожидаемо, взлетели ввысь.

— Я вижу, знаю и помогу. Сейчас, когда я скажу, вы закроете глаза. Только по моей команде, только вместе. Потому что исцеление — это не магия. Это наша воля и сплочённость. Закройте же ваши глаза.

И все подчинились. Начался сеанс сближения. Своеобразная коллективная медитация, которая должна была объединить людей и подстроить под единый темп.

Дальше началась работа по плану: с болью, страхами, болезнями и прочим занудством.

Прошло минут двадцать. Настало время «водных процедур», как называла их Василиса.

Бирюза перешел на полусёпот. Слова ложились на публику, как мёд на воспалённое горло, мягко, успокаивающе.

— Сейчас в ваших руках вода. Обычная, но способная запоминать и очищать. Сколько боли вы отдали и пережили?

Из рядов крикнули:

— Много! Много!

— Да, да, я знаю! Сегодня вода, первородный источник жизни, услышит меня. А затем передаст вам свою силу! Просто поднимите её вверх. — Он обвёл руками пространство.

Банки, бутылки, гранёные стаканы, всё это поднялось над головами. Туман у сцены включили аккуратно под фразу «поднимите воду вверх».

Но где свет? Забыли?

Ассистентка посмотрела на проекторы, чуть привстала и бесшумно пощёлкала пальцами, привлекая внимание техника. Техник сразу же заметил знак и вспышки от установок пробежали по залу, имитируя едва заметное мерцание.

Сработало, вдохи стали чаще и глубже.

— Я говорю с этой водой, — заявил Бирюза торжественно. — Я вложу в неё вашу веру. Вашу боль и вашу силу.

Он наклонился к микрофону и сказал:

— Пусть она станет новой. Чистой.

И начал. Не громко. Не по-русски. Станными словами, местами с шипением и клокотанием. Перешел на невнятное бубнение, стал затихать и замолчал со временем. Профессор, сам того не замечая, принялся водить руками по воздуху, как дирижёр без оркестра.

Девушка выругалась про себя.

Ну зачем вы это делаете, Виктор Андреевич? Вы ведь не Чумак, в конце концов. Нельзя молчать! Такие фокусы не внушают доверия!

Маэстро приоткрыл один глаз, осознавая, что тишина стала некомфортной. Своевременно уловил гневный взгляд ассистентки, и издал низкий горловой звук, заполняющий ряды. Помощница вздохнула и осуждающе покачала головой, решив в гримерке высказать целителю о его оплошности, которую он так любил допускать.

Выступление продолжилось. Через какое-то время переключились на разговоры. С каждым словом, как казалось Василисе, зал утяжелялся. Так и было задумано, ведь впереди момент разрядки, а сейчас — прелюдия.

Повисло молчание. Бирюза снова вышел вперёд, ближе к зрителям.

— Я вижу, — начал он, глядя поверх голов. — Ещё не всё. Сейчас я попрошу подняться только тех, кто чувствует боль в спине, в шее, в суставах. Только их. Выйдите и встаньте перед сценой. Остальные — наблюдайте.

По залу прошёл лёгкий гул, люди начали подниматься. Подсадные утки встали чуть позже остальных, с осторожной неуверенностью, как настоящие. Их лица были натянуты, сосредоточены, руки прижаты к поясницам или растирали плечи, как если бы их мучала боль.

— Встаньте плечом к плечу и соединитесь с соседями за руки, почувствуйте сплочённость друг друга. Прямо сейчас я коснусь вас голосом.

Перед сценой собралось около двух десятков человек. Статисты встали вперемешку с обычными посетителями. Через пару минут выстроилась шеренга, сомкнувшаяся в единый замок.

Василиса приподнялась со своего места, наклонилась вбок и подала технику едва заметный знак. Тот сразу же повернул что-то на своём пульте.

Профессор сделал глубокий вдох и медленно, с нажимом, выдохнул в микрофон. Акустика изменилась, в голосе появилась лёгкая реверберация. Эхо покатилося по помещению.

— Уходи боль, уходи тяжесть.

Профессиональная пауза.

— Я здесь, и моё слово лечит!

Первым пошёл Лёша. Он выставил ногу вперёд, а Василиса с кинематографичной неторопливостью сложила пальцы руки в импровизированный пистолет, нацелившись на товарища по университету.

Пуф!

Парень чуть качнулся и словно отключился. Колени его подогнулись, он повалился вперёд, потянув за собой стоящих рядом.

Профессор лишь наблюдал.

Остальные подсадные, как по команде, зашатались и повалились следом, утягивая всю цепочку за собой. Шеренга людей с грохотом рухнула на пол, пока остальные зрители остолбенели на своих местах.

Загудело. Сначала тихо. Потом всё громче, до звона в ушах, пробирающего до костей и сознания. Где-то в середине, поднялась женщина, держась за грудь и чуть ли не рыдая. За ней тут же вскочил мужчина, потом ещё один. А потом — бум!

Крики, овации, возгласы, мольбы о помощи. Ряды заходили ходуном из стороны в сторону. Помещение от пола до потолка наполнилось невероятным напряжением и восторгом. Каждый хотел прикоснуться к чуду. Убедиться, что оно реально.

Василиса блаженно наблюдала, как журналиста из газеты, вцепившегося в кресло, раскачивают то туда, то сюда. Она прижала кулак к губам, ухахатываясь про себя.

Ну, соколик, хоть шляпу на голове удержал. Пока я здесь — шоу идёт по моему сценарию!

Бирюза сохранял неподвижность, этого было более чем достаточно.

Вот он, тот самый момент, оставляющий нужное послевкусие. Тот, что заставит народ говорить об этом снова и снова.

Шляпник ещё пытался что-то записывать в этом хаосе, трясясь, как электрический вентилятор на последних оборотах. Лица его видно не было, но по кривящейся осанке и резким движениям можно было догадаться: сеанс прошёл на ура! Сцена продолжала работать как часы.

Тем временем Бирюза поднял руку над собой.

— Садитесь. Всё. Достаточно. — с наигранной усталостью попросил он.

Люди подчинились, постепенно затихая, но не погаснув. Шёпот расходился по залу, как прилив волны, а маэстро выдохнул и мельком глянул на девушку. Василиса послала ему воздушный поцелуй, не отводя лукавого взгляда.

Сеанс самообмана подошёл к концу. Овации, вперемешку со слезами, разносились под сводами, провожая уже ушедшего целителя. Ассистентка сидела и молча вкушала этот миг.

Народ, не желая осознавать, что всё закончилось, нехотя покидал театр, придерживая свои банки с водой, будто грудных младенцев.

Когда публика разошлась, а последний посетитель прикрыл за собой двери, Василиса встала, повесила сумочку на плечо и направилась к подмосткам. Затем не торопясь обошла ряды, поднялась по краю и скрылась за кулисами.

Глава 3

Она шла по коридору едва ли не приплясывая и ощущая невероятный запал бодрости с воодушевлением. Уткнувшись в конец коридора, девушка приоткрыла дверь гримёрки и замерла на пороге.

Профессор оказался не один, рядом с ним стояла женщина. Лицо у неё было болезненно бледное, с утомлённым выражением и впалыми глазами. Возраст на вид определить оказалось сложно, но морщины давали намёк, что ей за сорок. Светло-русые волосы, выбивавшиеся из-под платка, окутывающего голову, растрепались, как после спешки или бессонной ночи. Несмотря на всё это, одета она была явно не бедно. На ней красовалась шуба, и, судя по тёмно-коричневому, почти чёрному меху, натуральный соболь. А это, на секундочку, непозволительная роскошь для простых смертных.

Они синхронно повернулись в сторону вошедшей. Виктор Андреевич поспешил представить гостье свою помощницу.

— Светлана Юрьевна, а это моя протеже, Василиса. Потомственная...

— Я знаю, товарищ Бирюза, спасибо, — перебила его женщина и тепло улыбнулась ей. — Здравствуйте, Василиса Егоровна. Очень рада с вами познакомиться. Мне очень приятно, что вы с профессором решились помочь, — добавила она, быстро пряча что-то в карман.

— Это мы рады, уважаемая Светлана Юрьевна. Поверьте, эта икона вам поможет. Теперь в ней сила исцеления, ранее невиданная. Как я и говорил: кладите её Игорю на грудь, держите его за руку и просите святого Михаила о помощи.

— Я вам верю, беспрекословно, любезнейший Виктор Андреевич. Всё так и сделаю. Спасибо вам ещё раз. А я пойду, нельзя, чтобы меня хватились, ведь я здесь тайком.

Женщина вежливо поклонилась и приобняла его. Затем направилась к выходу, попрощалась с Василисой и скрылась в коридоре.

Ассистентка проводила её непонимающим взглядом, после чего обернулась к Бирюзе и вопросительно посмотрела на него.

В его правой руке что-то шуршало. Он поднял запястье, и, с лучезарной, мальчишеской улыбкой развернул сложенный вдвое пакетик, из которого выскользнули два десятка зелено-вато-синих американских долларов.

Василиса, онемев, лишилась дара речи.

Гримёрная лампа подсвечивала рельеф краски, тонкие линии портрета, сухой блеск бумаги. Всё сияло так, как может сиять только свежая, настоящая валюта.

Маэстро глянул на ассистентку, всё ещё сияя. Но Василиса радоваться не спешила. Сумма огромная, и деньги чистые. Слишком чистые. Она знала, за чистыми деньгами всегда скрывается что-то грязное.

С момента ухода незнакомки прошло всего несколько минут, а мысли в голове уже заваривались в кашу.

Всё это время помощница сидела в углу и о чём-то размышляла, нервно постукивая пальцами по столешнице. Это действие должно было успокаивать, но, увы, лишь усиливало напряжение.

Бирюза витал в облаках и искрился радостью. Он насвистывал под нос, поглядывая на своё отражение в зеркале. Мелодия игриво разносилась по помещению, а свой образ, столь благодатно отражённый, мужчина награждал жемчужной улыбкой, приглаживая редкие волосы.

Василисе оставалось только наблюдать, чем она и занималась, пасмурно следя за происходящим.

В финале всех этих манипуляций профессор достал из внутреннего кармана партийный билет и, пересчитав валюту, аккуратно отложил часть на стол. Остальное убрал в документ и закинул его обратно.

— Не свистите, денег не будет, — язвительно пробормотала Василиса, придав тону тяжёлую мрачность.

Он наконец-то обратил на неё внимание и беспечно хохотнул. Эта реакция заставила её взбунтоваться и чуть ли не съесть его взглядом.

— Объясните, пожалуйста, что происходит?! Что это за женщина? Вы её знаете?

— В первый раз вижу. Пришла просить помощи. У неё двое детей. Девочка, на пару лет младше моего сына, и пацан, Игорь, чуть постарше. Вот он и болеет. Точнее, лежит в коме уже третий год. Черепно-мозговая травма. Полный овощ, даже не двигается.

Василиса недовольно скривилась, а профессор как ни в чём не бывало продолжил:

— Естественно, никто помочь не может. Ну что женщине страдать? Она и так вся измучилась за это время. Так хоть успокоение найдёт. Иконку её зачаровал, будет сидеть, молиться. Надежда умирает последней...

— Виктор Андреевич, — напористо прервала девушка, — вы вообще понимаете, что это за деньги? А шуба у неё... Соболь натуральный, не подделка! Вы же не с луны свалились.

— Да, шубка что надо. Такую же хочешь? — подмигнул он небрежно.

— Господи, я хочу дожить до старости и, желательно, с целёхонькими костями. Это же огромная сумма, а женщина явно не бедствует — не из простых!

— Да, сумма немалая. Ну и что с того? Эти бумажки пропуск в люди. А вот ты, похоже, не очень это понимаешь. Мы с тобой сколько уже горбатимся?

— Это риторический вопрос?

— Нет, вполне себе серьёзный. Помнишь, через что мы прошли и как начинали с уличных выступлений? Ты с первого курса мне помогаешь, почти семь лет, и только три года назад, с горем пополам, нам удалось выбраться на сцену и стабильно зарабатывать...

— Да, и что? Наш заработок вполне себе легальный, — гневно отрезала она. — А эти доллары легальными быть не могут! Это же риск по уши, взять столько и ничего не дать взамен. Вы хоть знаете, сколько это по курсу сейчас?

Мужчина на миг призадумался, почесав подбородок.

— Если из рук в руки, то, вроде, за пятёрку берут. Но если я ошибаюсь, то подскажи.

— Нечего тут подсказывать! Вот именно, за пятёрку! Это же космические деньги! Мы можем влететь по полной.

— Василиса, всё под контролем. Женщина ещё спасибо скажет, что хоть сон ей вернул. Она, вон, не спит, с ума сходит.

— Ага, скажет, как же. Давайте-ка я лучше догоню её и верну?

— Не глупи. Я же не говорил, мол, что точно вылечу. Не дурак. Объяснил, что многое зависит от веры, а процесс выздоровления быстрым не бывает. Путь тернист, но руки опускать не стоит, да и себя изводить тоже.

Бирюза объяснялся спокойно, с присущей ему уверенностью. Слова чуть сбили остроту, но тревога никуда не делась.

— К тому же, ну что она нам сделает? В милицию пойдёт? И что потом? Да там посмеются только.

— Мне кажется, что такие по милициям не ходят. И кто эта женщина? Откуда?

— Да чёрт его знает, я же не справочная. Не переживай, эта Светлана Юрьевна — дама добродушная и простая. Никакой опасности в этом деле нет. Она всё прекрасно понимала и была в здравом уме.

Ассистентка безмолвно закатила глаза, уставившись в облупленный потолок.

— Послушай, ну что ты, ей-богу? Дали — взяли. Всё, выброси из головы. У тебя, кстати, скоро день рождения, — приободрил он, пригладив карман с партбилетом, как какую-то драгоценность. — а подарок я тебе организую.

— Не надо мне никаких подарков. — взъелась Василиса, скрестив руки на груди. — Вы крайне самодовольно и безрассудно себя ведёте. Думаете, если доллары убрали в билет, то и партия поможет, когда возникнут проблемы?

— Какие проблемы, Василисонька?

— Да такие, Виктор Андреевич. Доллары в стране не ходят, это опасная валюта — нехорошая. И если люди промышленяющие этой валютой нагрянут, то ваша дряхлая партия нас не спасёт.

— Девочка моя, что за вздор? Что значит дряхлая?! Не говори так!

— То и значит. Вы как будто в своём мире живёте и новостей не читаете. Она на ладан дышит, карабкается, а вот эти доллары наверняка от тех, кто уже понял, что карабкаться не вариант и пробивает двери ногами.

— Перестань, хватит! Ты взрослая, но иногда кажешься мне всё той же несмышлёной девчушкой. Как же ты мне напоминаешь свою маму, порой.

Девушка, не любящая этих сравнений и не помнящая мать, но ненавидящая её за побег из семьи, поникла.

Профессор, уловив её колкое отчуждение, поспешил сгладить напряжение и добавил:

— На счёт подарка — надо, не надо, но будет. К тому же, ты сделала для меня больше, чем кто-либо в этой жизни, как бы странно это ни звучало. Я бы хотел тебя порадовать.

Василиса печально посмотрела на Бирюзу.

Как до него достучаться? Да никак. Какой в этом смысл, если он пригвоздил себя к облакам, превращающимся в тучи, и упорно не замечает грозы?

Мужчина подошёл к ней и остановился в нескольких шагах. С виду такой простой, сшитый по старой выкройке мужичок, он верил во что-то большее, нереалистичное, забывая, что сам является лишь иллюзией блага и стабильности. Ведь их деятельность — пшик, ничто.

Ей стало грустно от этого беспросветного упрямства и инфантильности. Бирюза уловил её скрытые эмоции и умело переключил внимание помощницы.

— Послушай, давай ка примем это как счастливую случайность. У нас есть возможность к следующим выходным пробиться на радио. Хотя бы попробовать. Не стоит упускать такой шанс. Мы же мечтали об эфире, помнишь?

— Радио? — переспросила она, не веря его словам. — Но подождите, как радио? Уже? — вскинула Василиса брови, ощущая разрастающийся огонёк азарта.

Его уловка сработала. Точнее, ассистента позволила ей сработать, пряча опасения за перспективы и амбиции.

— А что значит «уже»? Сколько ещё ждать? Есть возможность — реализуй. Из этих денег дам тебе половину. У нас есть четверо товарищей, которых надо умаслить. Кто-то более лоялен, кто-то менее, но все они знают и меня, и тебя. Я направлюсь к представителю отдела агитации и пропаганды крайкома КПСС и к куратору от КГБ.

Мужчина поплевал на пальцы, подогнул края купюр и взял часть со стола.

— С тебя те, кто полегче. Но это не значит, что они не будут упираться. Суммы должно хватить. Если что, добавлю из накопленного. Попробуем просочиться на местное краевое радио. Найдёшь Беляева, руководителя редакции, и Буликова, начальника техслужбы. Оба мои хорошие товарищи. На всякий случай, купи водки. Они выпивают, прилично. Понимаешь к чему я клоню?

— К тётке в больничку идти? За янтарной кислотой? — обречённо уточнила девушка, вовсе не горя желанием посещать это затхлое заведение, где некогда проходила практику.

— А как иначе? Твоя тётка, Любовь Антоновна, не откажет, — пожал он плечами. — Кислоту в шприц добавишь, потом через пробку иглой, будет им волшебство. Скажешь, что я зачаровал, и водка беспохмельная. Только не перекисли. Пусть порадуются чуду. Ну и каждому накинй по валюте. И не забудь добавить, что горьком не против. Я за выходные уже всё устрою, они позвонят и подтвердят. И тогда эфир наш.

— Хорошо, — лаконично ответила она, поднимаясь и подходя к вешалке.

Закутавшись в шарф, затем накинула кожаную косуху, из швов которой торчали нитки. Девушка подхватила сумочку. Краем глаза Василиса уловила, как профессор оценивающе оглядывает её, о чём-то размышляя. Потом он перевёл взгляд на свой карман с долларами и тонко улыбнулся.

Приложение №4 к материалам дела № 217-89.

Обнаружено при обыске 2 ноября 1988 года в квартире, по адресу: г. Хабаровск, ул. Дзержинского, д. 14, кв. 236.

Фрагмент предположительно личных деловых записей гражданки Яровой Василисы Егоровны, 1963 г.р., написанный от её лица. Характер изложения допускает, что данный фрагмент носил личностно-производственный характер, тезисное описание плана действий. Стиль разговорный, эмоционально окрашенный, временами пренебрежительный.

Приписка:

Обнаружено из личных записей Василисы Егоровны Яровой.

Следователь Дмитрий Семенович Бражко.

г. Хабаровск, 3 ноября 1988 года.

Запись по дням. Приводится в полном объёме:

24 октября, понедельник: Больница — мимо. Тёти не было, не её смена, хотя она заместитель главврача и чуть ли не живёт на работе. Поехала к ней домой. Застала. Та взяла отгул, так как приболела. Выпили пресный чай, перекинулись парой слов. Договорились встретиться завтра в приёмном отделении, она передаст кислоту.

25 октября, вторник: Валюту не меняла, отдам так, чтобы наверняка. Забрала кислоту. Литровки «Столичной» нашла, шприцы при себе. Купила их на десятку дамы с перегаром, Людмилы Павловны.

26 октября, среда: День рождения, ничего необычного. Днём не Ленина, 71. Редактор и техник. Сделано. Начали упираться, как бараны, но не надо тут. Нахмурила брови, выложила зачарованное пойло, вскользь «проговорилась» про день рожденья. Мол, сегодня мой день, да ещё и пятница, вечер почти: берите водку и бухайте и на глазки посмотрите, ещё ресничками похлопала. Зря, что ли, тени с тушью переводила? Не посмели отказать, смущались и краснели, как томаты. Эфир в руках. Профессор своих тоже дождал. Не подвёл.

27 октября, четверг: Утром — текст, днём — в печатку. Сотня объявлений. Без изысков. Жду до завтра и забираю.

28 октября, пятница: Забрала. Утром расклеила. Да, сорвут малолетки — и ладно, всё равно. Эфир уже завтра, а объявления — мелочь. Трансляция и так на тысячи ушей.

Прошло чуть больше недели с момента выступления в театре. На улице стояла всё такая же мерзкая, промозглая погода. Ни осень, ни зима, ни туда ни сюда. Сырой ветер пронизывал до костей и завывал так, будто собирался сдуть любого встречного с лица земли. Свет от фонарей проступал во мгле, мерцаая рыбьим глазом.

Уже около восьми вечера. Василиса стояла напротив небольшого здания на улице Ленина, 71. Именно здесь расположилось местное краевое радио. Повезло, что одобрили вечерний эфир, а не утренний. Это стало неожиданностью и для неё, и для Бирюзы.

Позднее время — идеальное: народ уже отошёл от похмелья, и ещё не успел заново напиться до отключки. Самое то. Промежуток короткий, но точный, когда ухо у публики мягкое, а мозги пока что не расползлись. Именно тогда любая ерунда воспринимается особенно хорошо, тем более, если звучит из знакомых источников.

Накануне Василиса прагматично подготовила ответы на ожидаемые вопросы ведущего и созвонилась с профессором, чтобы скоординироваться по последним деталям. Но теперь он опаздывал. До эфира оставалось не больше десяти минут. Время поджимало, и девушка, на дух не переносящая не пунктуальность, начинала злиться.

Переминаясь с ноги на ногу у крыльца и наблюдая, как пар медленно тянется изо рта в холодном воздухе, она надеялась, что это зрелище хоть немного её успокоит или растянёт время.

Вдалеке мелькнули фары знакомой машины, быстро направляющейся к ней. Белый «Москвич», резко затормозив, остановился на тротуаре.

Бирюза, припарковавшись с ювелирной точностью, выскочил из машины. С искромётной улыбкой он натянул шапку, но, передумав, в последний момент отбросил её обратно на водительское сиденье.

Ассистентка, заметив своего беспечного коллегу, тут же направилась к нему, поджав замёрзшие губы.

— Виктор Андреевич! Мы же договаривались к половине. Я вас уже полчаса жду! — выпалила она, чтобы профессор в полной мере проникся её раздражением.

Бирюза молча поправил очки, стремительно открыл багажник и извлёк аккуратно упакованный пакет на молнии. Артистично повернувшись к помощнице на каблуках, он торжественно выпалил:

— Дорогая моя Василиса, с прошедшим днём рождения! Совсем замотался, но не посмел забыть и, конечно, хотел тебя порадовать! Этот подарок тебе! — Он сделал широкий шаг вперёд, чуть расстегнув молнию на целлофане. — Желаю всегда оставаться собой, не растворяться в серой массе и продолжать радовать этот мир своей очаровательной улыбкой!

Девушка, позабыв о раздражении, замерла с приоткрытым ртом, не зная, что сказать.

Перед ней лежала шуба, новёхонькая, с биркой.

Белый песцовый мех. Нет, не просто шуба. Не просто песец. Длинный покррой, премиальный. Немыслимо. Это само воплощение самодостаточности и финансового благополучия, доступного лишь десятками людей в Хабаровске и разве что несколькими сотням москвичей.

Ассистентка с трудом подбирая слова, выдавила из себя:

— Виктор Андреевич, что это? Вы с ума сошли? — к концу фразы её голос дрогнул.

— А вот и нет! — Он вручил ей бесценный подарок и картинно поклонился. — Заслужила!

— Я не приму.

— Примешь, куда ты денешься.

— Извините, не могу, это чересчур. Она наверняка стоит дороже вашего «Москвича».

— Хватит. Уже купил, уже не вернуть. Предлагаешь мне самому её носить что ли? Давай ка не упрямясь, бери.

Раздираемая сомнениями, Василиса расстегнула молнию, и с трепетом опустила ладонь внутрь целлофана. Дыхание перехватило и застыло где-то внутри, не находя выхода. Никогда в жизни она не чувствовала ничего подобного. Песец на ощупь был прохладным, шелковистым, почти нереальным. Пальцы зарылись глубже, передавая невысказанные ощущения восторга. Ворсинки щекотали ладонь и отзывались благородной пышностью. От этой мягкости по спине и затылку пробежали мурашки.

На секунду, зачем-то проскользнула навязчивая мысль об опасной валюте, но тут же испарилась. Сейчас всё равно. Уже всё равно. Радость застилала глаза, оттесняя любые переживания.

— Ты тут? Примерь, ну же! — окликнул Бирюза, вырывая её из блаженного транса.

— Виктор Андреевич... — с трудом выговорила она, стараясь держать себя в руки.

— Никаких пререканий! Давай же!

— Я... — сглотнула девушка, выравнивая дыхание.

Василиса вынула руку из пакета и аккуратно потянула собачку вверх, застёгивая до конца. Он, заметив её плохо скрываемую реакцию, удовлетворенно заулыбался.

— Не стесняйся, прошу. Хочу глянуть, по размеру ли?

— Вы меня убили, наповал.

— Ха-ха-ха! Ну, признаться, подобной цели я не преследовал, хоть и искренне рад, что смог растопить твой лёд. Ты примеришь, в конце концов?

— Обязательно, но не сейчас. Мы и так опаздываем. Нас уже ждут и точно начинают нервничать. Давайте поспешим, пожалуйста?

— Да-да, конечно, пошли, — кивнул он, укладывая шубу обратно в багажник. — Ну, тебе понравился подарок? Хотя можешь не отвечать. Вижу, получилось порадовать и удивить.

Врать не имело смысла. Да и зачем после такого? Сдержанным тоном, помощница ответила:

— Как такое может не понравиться, Виктор Андреевич? Спасибо, я безмерно благодарна. Но... Такие деньги... Сколько?

Он, предугадав вопрос о стоимости, рассмеялся, поворачиваясь к ней:

— Ты как всегда, истинный прагматик и в душе бухгалтер! Так и не скажешь, что балетом занималась и медецинский закончила...

Бирюза вдруг осёкся, внутри мужчины что-то оборвалось, лицо побагровело.

Кашель подкатил резко и тяжело, дробно разнесясь по пустой улице. Плечи вздрогнули, спина сгорбилась. Профессор опёрся на машину, достал из кармана платок и поднёс ко рту.

Василиса наблюдала за этими действиями с привычной тревогой, но молчала, зная, что мужчина расстраивается, когда замечают или сочувствуют его недугу.

Когда приступ прошёл, на стиге платка осталось алое пятно, осевшее на ткани рядом с предыдущими.

— Вам становится хуже? — осторожно спросила помощница, зная ответ наперед.

— Всё нормально, не бери в голову. Пошли уже, сама же торопила. — Пробулькал он с хрипотцой и направился к зданию, вытирая изгиб губ подушечками пальцев.

Дом радио начали строить ещё в прошлом десятилетии, но из-за капризной почвы стройка затянулась. Внутри всё выглядело так, будто ремонт не просто отставал от графика, а стыдливо сдался, так и не дотянув до финиша: облезлые стены, провалившиеся ступени, запах побелки, вперемешку с плесенью. И всё же жизнь здесь теплилась. Сквозь недоделки, вопреки всем затруднениям, эфиры продолжались. Сотрудники давно уже срослись с этим местом, как старая мебель с обшарпанными подоконниками и скрипучими половицами.

Ассистентка молча протянула профессору заранее заготовленную бумажку с ответами, аккуратно оформленными деликатным почерком, с акцентами, сносками и пометками на полях. Виктор Андреевич хоть и умело исполнял свою роль, всё же временами терялся.

Чай, печенье, пара минут прочистить горло и эфир начался.

Взбалмошный ведущий, заряженный сотнями кружками кофе, выделялся среди своих коллег быстрой речью и звонким голосом. Нажав на красную кнопку “вещание”, он затараторил:

— Уважаемые слушатели, сегодня у нас в студии сам товарищ Бирюза! Целитель, как говорится, от Бога. И не какой-нибудь там столичный, а наш, дальневосточный! — с вооду-

шевлением прокукарекал он, как петух с жерди курятника, и тут же подался вперёд, протискиваясь сквозь радиоволны в каждый захолустный радиоприёмник.

Василиса звонко хихикнула.

Это было вполне себе эксцентрично, и, надо признать, весьма завлекательно. Подача что надо!

Настрой оказался пылким, общение выстроилось оживлённым.

Всё шло как по маслу, каверзных вопросов удалось избежать. То ли сотрудника станции заранее предупредили, что гостя лучше не расстраивать, то ли это была его собственная инициатива. Мало ли, вдруг разозлит Бирюзу, а тот возьмёт да наложит какое-нибудь зачарование. В лучшем случае заставит работать в этих задрипанных помещениях до самой пенсии, а в худшем закодирует. И не по методу Довженко, а по своему, авторскому. При виде бутылки заставит плевать, живот скрутит, да ещё и несвареньем приправит, как вишенкой на торте.

Тем не менее, пара скользких моментов всё же проскользнуло.

— А сколько вы заработали за эти десять выступлений? И на что пошли деньги? Всё-таки зал немаленький, да и в центре города, как-никак краевой театр драмы.

Профессор среагировал мгновенно, не растерявшись. Ответ был заранее подготовлен, Василиса всё предусмотрела. Читая с листа, он спокойно и уверенно объяснил:

— Да, зал просторный, но заполняется максимум на треть. Билеты по восемь рублей. Конечно, за всё время сумма набралась приличная, но большая часть уходит на аренду, технику, полиграфию. А главное, у нас с моим протеже, экстрасенсом Василисой, имеется мечта: открыть приют или сделать что-то полезное для нашего сплочённого общества. Хочется помочь больше, понимаете? Никакой задней мысли. Я сам на «Москвиче» езжу, как и многие. Народ подтвердит.

Бирюза сопроводил ответ добродушным смехом.

По ощущениям, сработало. Всё выглядело так, что вопросы задаются не для галочки, а с искренним интересом. Да и вообще, эфир шёл под ритм, заданный профессором.

Выделенный час подходил к концу. Василиса не знала, какой был охват вещания, но нутром чувствовала — теперь можно смело просить у директора театра вечернее время, и, возможно, процент поменьше. А если повезёт, зал соберётся не на треть, а полный!

Следующее выступление планируется в середине декабря. Пока билетов нет, но всему своё время. Хотите, запишем вас в очередь? Это вам не какой-то зачарователь из подворотни. Это — Бирюза!

День определённо удался. Настроение светлое и тёплое, хоть и не в лад с погодой. Внутри kloкотала тихая радость. Новенькая, премиальная шубка, а ещё, по традиции, профессор передаст ей ключи от машины на выходные. Так бывало всегда, если Лиходеевым транспорт не требовался.

Это же реально? Не сказка? Пожалуй, этот день рождения выдался лучшим в моей жизни!

Глава 4

Конец эфира. Всё прошло идеально. С ведущим они распрощались быстро, после чего вышли наружу. Мелкий беспорядочный дождь стелился по асфальту, отражая в своём блеске свет фонарей. Но сырая погода, вкупе с голосящими порывами ветра, ничуть не умоляла эйфорию.

Они спустились с крыльца по ступеням. Улица уже уснула в безлюдной тишине, и только на обочине стоял серый японский минивэн, один из тех редких автомобилей, что ввозят во Владивосток прямиком из Японии. Фары иномарки томно и мягко подсвечивали тротуар, где капли дождя отбивали рассыпчатыми брызгами.

Девушка на мгновение остановилась и задумавшись, поймала себя на странной мысли. Отчего-то новая шуба показалась ей такой же неестественной, как и этот минивэн.

— Василиса, держи ключи, — профессор протянул ей брелок от своего автомобиля, выводя из ступора. — Завтра вечером вернёшь или в понедельник утром?

— В понедельник, если не возражаете.

— Конечно не возражаю, тебе попробуй возрази. Только не задерживайся, а то мой бездарь снова найдёт предлог профукать пары, — отчеканил Бирюза, направляясь к своему «Москвичу».

Василиса, предвкушая примерку волшебной шубы и свободный транспорт в своём распоряжении, направилась следом, украдкой поглядывая на замысловатое творение японского автопрома.

Внезапно из тени вышел необъятный мужчина в чёрной кожанке, фигурой напоминающий буйвола, и невзначай обратил внимание в их сторону. Морщинистый лысый череп, испещрённый старыми шрамами, блеснул от влаги. Незнакомец кривовато улыбнулся и окликнул профессора:

— Здравствуйте, уважаемый. Сигаретки не найдётся?

Голос прозвучал нарочито вежливо и дружелюбно.

— Доброго вечера, товарищ. Не курю, — уверенно произнёс профессор, и вопросительно обернулся к помощнице. — Ты ведь тоже, Василиса?

Девушка, эмпирически ощущающая неладное, промолчала, лишь отрицательно мотнув головой.

Повисла давящая, удушливая пауза. Неясное, липкое чувство тревоги подступало медленно, но верно.

— Эх, спортсмены, молодцы! — гоготнул незнакомец и с каким-то наигранным удивлением добавил: — А вы, часом, не тот самый чудо-лекарь, которого сейчас по радио крутили? Как вас там... Бирюза, да?

Профессор едва заметно кивнул, насторожившись.

— Во-о-о-т же совпадение, — протянул мужчина, состроив изумлённую мину, смахивая капли с выбритой лысины. — А я как раз мимо проезжал, слушал эфир. Представляете?

— Да уж, и правда, совпадение, — глухо отозвался Бирюза, скорее всего догадываясь, что эта встреча вряд ли случайна. — А вас как зовут? Могу чем-то помочь?

— Меня? Лёха Медведев, — лениво вывалил тот, мерзко сморкаясь ноздрей на тротуар. — Но проще — Медведь. А малышка эта, ваша? Представьте её? — поинтересовался он, указав на Василису пальцем с серебряной печаткой.

Бирюза, как отец прикрывающий дочь, шагнул в сторону его руки, заслоня ассистентку от назойливого амбала. Мужчина, похоже, этот жест не оценил. Его пронизывающий взгляд столкнулся с глазами целителя, который защищался лишь выпуклыми линзами очков.

Воцарилась тишина. Амбал, через плечо профессора, окинул взором Василису. Она нервно сглотнула. Чувство опасности сдавило внутренности.

Виктор Андреевич, поддавшись на вопрос и явно проиграв зрительную дуэль, всё же решился представить помощницу, осторожно повернувшись к ней:

— Это моя протеже...

— Хорошенькая. Любите девочек помладше? — прервал тот.

— Извините? Не понял, о чём вы? — Бирюза перевёл взгляд на мужчину и смутился.

— А чего непонятного? Любите молоденьких кисок? Тех, что посвежее? — не моргая, спросил тот.

— Вы с ума сошли? Как вы смеете? — в возмущении приоткрыл рот Бирюза, поправляя очки на переносице.

— Эй, малая, твой папик отнекивается, а ты что скажешь? — переключился на неё Медведь.

Она не ответила, но за неё вступился профессор:

— Что вы себе позволяете?..

Мгновения хватило. Амбал вскинул руку над собой, и замахнувшись со всей силы чем-то тяжёлым, приложил глухим ударом Бирюзу. Очки слетели, раздался хруст разбитого стекла. Девушка вскрикнула. Профессор жалобно застонал, потянулся к голове, и рухнул в лужу.

Она в ужасе сделала шаг назад. Всё замерло на секунду.

Только Василиса набрала в лёгкие воздух чтобы закричать, как сбоку к ней подскочил силуэт. Кто-то впился в её волосы и с силой швырнул вниз. Лицо ударилось об асфальт. Крик захлебнулся в зародыше. Что-то хрустнуло над глазом, как сухая ветка. Вспыхнули звёзды, в ушах зазвенело, горизонт завалился, а тело обмякло.

— Слышь, шавка, посмеешь орать — грохнем прямо тут. Сначала твоего папика, потом тебя, — зарычал звериный голос.

Рука тяжёлая, мясистая, приподняла её, как пушинку, и поставила на колени. Левый глаз заливала кровь, но правым она всё ещё видела этот глянцевый, мокрый от дождя ствол пистолета, уткнувшийся прямо в лоб. Ассистентка пошатнулась, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Внезапно голос профессора вырвал её из полуобморочного состояния.

— Что вы делаете?! — прохрипел он.

— То же, что и ты. Лечим, — гаркнул один и кивнул второму. — Боров, пакуем их.

— И её?

— И её!

Василиса поджала дрожащую ногу, попыталась удержаться и не упасть, нащупывая ладонями тротуар. Она хотела что-то сказать, но не смогла. В этот момент ей накинули на голову плотную ткань.

Темнота обрушилась внезапно. В отчаянной надежде вырваться она дёрнулась в сторону, слабо и бесполезно. Этого даже не заметили.

Где-то сбоку раздался рваный стон Бирюзы. Было слышно, как его поднимают, а ботинки скребут носками по асфальту.

Глухой удар. Рваный выдох. Потом тишина.

Сзади лапища с силой хлопнула Василису по спине. Дыхание перехватило, душа вырвалась из тела, ломая рёбра. Её схватили за шкуру и потащили, ноги не касались тротуара, тело болталось.

Открылась металлическая дверь кузова.

Руки резко заломили за спину, едва не вырвав плечи из суставов. Василиса закричала, но тут же ощутила пощёчину, звоном наполнившую барабанные перепонки. Шея с трудом выдержала удар и хрустнула. Всё поплыло, а на запястьях щёлкнул металл наручников.

— Ещё раз закричишь, малая, язык вырву. А попробуешь стащить мешок, отрежу башку и оставлю в нем, — выплеснули сбоку и швырнули её вперёд.

Она ударилась плечом в жёсткую поверхность, салон японского автомобиля.

— Тебя тоже касается, профессор, — хладнокровно сообщил второй голос.

Виктор Андреевич рухнул где-то рядом, тихонько завывая.

— Что вы делаете? Если это из-за денег, то я всё верну. Сегодня же. Отдам половину, завтра остальное, соберу и отдам! Всё, что нужно!

Эти твари не ответили. Дверь с грохотом захлопнулась, мотор завёлся, а машина рванула вперёд, скользнув шинами по мокрому асфальту и набирая обороты.

Откуда-то спереди разнёсся громкий стук по обивке, а потом предупреждение:

— Эй! Внимательно — ни звука. Услышу — убьем. Лежать на месте, не рыпаться.

Она и лежала, подогнув ноги под себя, ничего не видя. Вздрагивала всем телом, ловила ртом воздух и сопела. Что-то тёплое обволакивало лицо, а на губах и языке появился металлический привкус. Глазница, на которую пришёлся удар об асфальт, пульсировала безумным ритмом. Такой боли Василиса не ощущала никогда: боль раздробленной кости. Из-за неё беззвучные слёзы катились градом, смешиваясь с кровью и заливая ткань изнутри. Мешок, провонявший пылью, сыростью и сигаретами, приклеился к губам. Дышать становилось всё труднее. Василиса перевернулась на живот и уткнулась лбом в пол, чтобы мешковина отлипла от лица и впустила воздух.

Получилось. Кислород нехотя пробрался в узкое пространство между шеей и тканью.

Машина мчалась в бездну. В салоне, пропитанном запахом бензина, слышались только дыхание Бирюзы и громкая пульсация её висков. То бросало в жар, то в озноб, и так по кругу. Руки, вывернутые за спину, свело, а запястья сдавливали так сильно, что наручники ощущались гильотиной, готовой отсечь кисти. В горле стоял ком, от боли подступала тошнота.

— Василисонька... — выдавил голос.

Боже, это голос Виктора Андреевича? Почему он не его?

— Эй, ты тупой?! — раздалось спереди. — Я сказал ни звука!

Бирюза замолчал. Девушка вцепилась зубами в мешок, слёзы хлынули с новой силой.

Впереди слышался приглушённый разговор.

— Нахрена она нам? Было сказано брать только мужика.

— А чё ты хотел? Отпустить девку? Она всё видела, типа его протезе или как там?

— Да я врубаюсь. Только что Мирному теперь скажем?

— Может, это... В лесополосе кончим её? Как будто и не было сучки? Виталию Николаевичу говорить не будем. Я думаю ему насрать.

Эти слова просвистели в её голове пулей и уже убили, без возможности выжить. С языка сорвался еле слышный протяжный и тонкий стон, похожий на щенячий скулёрж.

— Не, без команды не будем. Не нам решать, если узнает — шкуру спустит. Ты же его знаешь, он гайки по всем фронтам закручивает.

Повисла пауза, а потом последовал ответ:

— Слушай, девку всё равно грохнут, зуб даю. А баба-то красивая, сочная, молодняк. Чё добру пропадать?

— Да какая сочная? Тошная, что моя покойная мать. Я её одной рукой подхватил, — Хмыкнул второй.

— Да не гони, мордочка что надо.

— Ну это да, смазливая.

Мир застыл. Всё внутри оборвалось. В шокированном разуме вспыхнула картина: двое переглядываются, улыбаются, глотают хищные слюны, как бешеные собаки. Она сжала губы, стараясь не закричать и не поддаться панике.

Минута. Две. Три. Множество.

— Ну чё? Осчастливим малую и её папика?

По салону пронёсся сдавленный смех, утопающий в приглушённом эфире местного краевого радио, где вещал знакомый диктор.

— Ну а чё, давай. Ща на трассу свернём, найдём место.

— А у тебя резинка есть?

— Не-а. Да какая нафиг резинка? Ты посмотри на неё, совсем свежая ещё. Небось мужиков толком не видела.

Салон вновь заполнил смех гиен перед загнанной добычей.

— Эй, малая, слышь, ты же не интердевочка, не подхватим от тебя чего?

Профессор с силой забарабанил ногами по обивке.

— Что бы вы ни собрались делать, не смейте! Слышите?! Что вам нужно? Я отдам всё! Деньги, машину, драгоценности — всё, только не трогайте её!

Ответа не последовало, машина сбавила ход и свернула на внедорожье.

Из горла девушки вырвался раздирающий стон. Она и представить не могла, что голосовые связки способны на нечто столь неестественное.

Скорость автомобиля постепенно снижалась. Василиса молилась, чтобы всё происходящее оказалось глупым наваждением, кошмаром, который вот-вот рассеется, чтобы реальность стала абстракцией, чтобы она оказалась в сотнях километров отсюда, или там, где измерения не существует, а время можно отмотать назад.

Минивэн остановился. Амбалы вышли, кузов качнулся. Через несколько секунд дверь распахнулась, впуская холодный ветер в салон.

Хищная клешня стиснула лодыжку. Василиса дёрнулась и вывернулась, но тяжёлый удар по бедру припечатал к металлическому дну автомобиля. Выбраться — без шансов. Кто-то дёрнул наружу, а затылок ударился о бампер так, что мешок сполз до подбородка. Девушка упала в мокрую грязь и заорала во всё горло, надеясь на помощь.

Удар. Он пришёлся на висок и сломанную глазницу. Вспышка боли, а затем всепоглощающая тьма.

Пощёчина. Ещё одна. И ещё, возвращающая её к сознанию.

Мешок сорвали. Василиса с трудом сфокусировала взгляд и увидела двух человекоподобных зверей, похожих друг на друга, как близнецы. Она в ужасе замотала головой, вдавливаясь в холодную землю всем телом.

— Эй, не ори больше и не отключайся, поняла? Хочу видеть твоё лицо.

Сзади взревел профессор:

— Не смейте, сволочи! Не смей...

Выстрел. В воздух. Вспышка осветила мокрое поле и колею от шин. Запах пороха впился в ноздри.

Бирюза мигом затих.

— Ещё слово — убьём девку. Возьмёшь на себя вину, чудотворец? — с издёвкой спросил тот, что стоял левее. — Или из могилы её потом поднимешь?

Другой заржал, как конь. В салоне тихо заплакал Виктор Андреевич. Его голос был почти неосознаем.

— Прости меня, девочка...

Она поняла, всё по-настоящему. И то, что сейчас произойдёт, неизбежно. Стиснув зубы, Василиса вгляделась в этих нелюдей. Было темно, но изнутри приглушённый свет салона неуверенно освещал их лица. Она запомнила каждую черту, каждую морщину. Все шрамы и тени, их морды и движения. Как хищная птица, отметила мельчайшую деталь.

— Делайте, что задумали, твари. Но если я выживу, клянусь, я вас найду. Я вас сожгу. Отдам долг, чего бы мне это ни стоило.

Один из них загоготал и небрежно почесал за ухом.

— Ух ты, какая грозная птичка. Ну, ты это, малая, языком лишний раз не мели. Крылышки у тебя уже подрезаны, а язык ещё цел. Пока что цел.

Другой прыснул:

— “Если выживешь”. Ключевое слово, подруга. А сейчас... Совукуплялась когда-нибудь с дикими животными? Я — Лёха Медведь, а это, — кивнул он на второго, — Дима Боров. А ты — домашняя скотина. Но только есть нюанс, — амбал сделал шаг к ней и склонился, — от скотины людям проку больше, чем от тебя и ваших исцелений.

Он харкнул сухой слюной прямо в её лицо. Она содрогнулась. Второй расстегнул ширинку и спустил джинсы.

Автомобиль двигался медленно, переваливаясь через ямы и колдобины, раскачивая салон. Каждый толчок напоминал о случившемся, скручивая мышцы живота и выворачивая внутренности. Желудок сводило. Спереди тянулся запах табака, забираясь в нос и гортань, усиливая дурноту и вынуждая сдерживать рвотный позыв.

Мешок всё так же прилипал к лицу. Но Василисе было плевать на этот дискомфорт. Уже всё равно. Минут двадцать назад она почувствовала, как жизнь покинула тело. Что-то внутри сломалось и оборвалось. Какая-то часть испарилась безвозвратно и не вернётся. Её забрали и искромсали те, кто не имел на это права.

Теперь, похоже, впереди забвение. Иронично: ещё днём узнаваемая и любимая многими Василиса Егоровна, а вечером холодный труп, без имени и личности. Затем, бездыханное тело, прикопанное где-то в лесу. Черви, плоть, опарыши на белых костях. Ледяная яма с грязью и её распостёртые объятия — подарок на двадцатипятилетие.

А может это семейное? Отца тоже не нашли в Афганистане, признали без вести пропавшим. Что ж, папа... скоро встретимся. Ты далеко, но земля-то одна. Где ещё гнить, как не в ней?

Слёз не было. Только зияющая внутри дыра, залатать которую не выйдет никогда.

Иномарка затормозила. Послышался скрежет металлических ворот и чей-то голос:

— Всё нормально? Вы долго, мужики.

— Всё тип-топ! Были сложности с грузом, но порешали, — весело отозвался водитель.

— Ясно, вас ждёт Мирный, давайте шустрее.

Машина снова тронулась и проехала совсем немного. Салон открыли. Их вытащили и поволокли вперёд. Сквозь мешок пробивался свет, здесь было освещение. Территория, похоже, обжитая. Где-то рядом завывали собаки, цепями бьющиеся о вальер.

Мысок ударился о что-то твёрдое. Василиса споткнулась и едва не упала, но кто-то удержал, схватив за предплечье цепкими пальцами.

— Ноги выше поднимай, подруга. Здесь ступени и крыльцо. — с мерзким дружелюбием предупредил Медведь.

Впереди распахнулась массивная дверь, заскрипев петлями. Девушку остановили, а перед ней, в паре шагах, прозвучал голос неизвестного мужчины:

— Почему задержались?

— Обстоятельства, Валерий Леонидович.

— А это что за баба?

— Кхм-кхм. Извините, тоже обстоятельства.

— Свидетельница?

— Да, типа того. Подружка целителя, как мы поняли, ну типа протеже. Она не особо разговорчивая, но не немая.

— Точно того взяли, Бирюзу?

— Да, да. Точно он, всё вышло чётко, больше никто не видел.

— А что с этой бабой? Почему вся в грязи и крови? Избили?

— Никак нет, потушили просто, сопротивлялась.

— Ясно, свободны, я сам отведу их к Виталию Николаевичу.

Её передали незнакомцу и завели внутрь помещения, холод улицы переменился теплом, но дрожь уходить не спешила. Впереди ожидало худшее.

Глава 5

Свет пробивался сквозь мешковину всё отчётливее. Деталей разобрать не удавалось, но пространство воспринималось огромным, судя по эху разносившихся шагов.

Незнакомец вел Василису куда-то вправо, держа за плечо. Под ногами шуршала ткань, а затем распахнулась очередная дверь. Подтолкнули вперёд, промеж лопаток, и сильно надавили на плечо. Ноги, без того онемевшие, подкосились. Она рухнула вниз, уткнувшись коленями в мягкое.

Справа судорожно кашлял профессор, которого, судя по всему, опустили рядом.

Дверь за ними захлопнулась с глухим звуком, отдавая отголосками крышкой гроба.

Прозвучал голос, грубый и суровый:

— Валера, сними с них эту хрень. На кой чёрт вы мешки напялили?

— Для вашей же безопасности, Виталий Николаевич. Протокол.

За волосы рвано и неосторожно дёрнули. Ткань отлипла от лица и слетела. Живой глаз резанул свет, но вскоре очертания прояснились.

Просторный светлый кабинет, вытянутый в длину и застеленный ковром. По середине царствовал монструозный, лакированный стол. В углу от него находилась неприметная узорчатая дверь. На задней стене висела полка с телефоном. Во главе стола выделялось массивное кожаное кресло.

На него облокотился мужчина лет сорока: поджарый, среднего роста, с короткими чёрными волосами и редкой проседью. Кожа смуглая, грубая. На морщинистом лице выделялись глубоко посаженные тёмно-карие глаза, злые и цепкие. Пышные брови, густые и непокорные, не двигались. Плечи мужчины широкие, осанка ровная, уверенная, хозяйская. Он был одет в бежевые выглаженные брюки и аккуратно заправленную в них майку-безрукавку. Из-под ткани виднелась крепкая, волосатая грудь. На запястье блестели, по виду, импортные часы.

Судя по всему, это был он, Виталий Николаевич, или как его называли амбалы — Мирный.

Чуть правее, у зашторенного окна во всю стену, молчал высокий жилистый охранник, тот самый, что сорвал мешки — Валерий. Лысый, с орлиным носом. Он держался эталонно прямо, заведя руки за спину. По фигуре типичный бывший армеец или кэзэбист: в обтягивающем чёрном свитере, начищенных ботинках, с кобурой под боком и военным ремнём на талии. Челюсть острая, взгляд мёртвый, безразличный, с бельмом на одном глазу. Если бы Василиса встретила такого человека в городе, то непременно бы свернула с его дороги.

Слева от Мирного с ноги на ногу переминалась девочка лет пятнадцати. Её взгляд, растерянный, с лёгкой сумбурностью, метался по сторонам и вскоре задержался на Василисе, выразив недоумение. Зелёноватые глаза, светло-русые растрёпанные волосы с ровной чёлкой и черты лица, до боли напоминающие женщину из гримёрки, Светлану Юрьевну. Она обречённо обернулась. За её правым плечом, в двух метрах, на коленях сгорбился профессор. Его взор уткнулись вниз, лицо приняло земляной оттенок. На редких волосах проступило запёкшееся пятно крови. Казалось, он не дышал, а только втягивал носом крохотные порции воздуха, не решаясь наполнить лёгкие.

— Ты целитель? Бирюза? — рявкнул Мирный, обращаясь к профессору. В его голосе прозвучала такая первобытная злость, что Василиса невольно стиснула челюсть, а страх набатом ударил по разуму.

Боковым зрением она наблюдала, как Бирюза закивал, не издав ни звука.

— Валера, а это чё за девка? — мужчина ткнул пальцем в Василису. — Я же приказал твоим людям — нужен только целитель с радио.

— Непредвиденная ситуация, Виталий Николаевич — лаконично отчитался охранник.

Незнакомая девчонка глянула на Мирного с осуждением.

— Папа, и что теперь? Ты говорил, что только целитель будет.

Он перехватил её взгляд и небрежно пожал плечами. Отодвинул кресло, опустился в него и потянулся к графину на серебряном подносе, после чего наполнил гранёный стакан прозрачной жидкостью, опрокинув в себя залпом.

— Слышь, черт старый, ты что наделал? — скривившись, он окликнул Бирюзу.

Тот явно не знал, что ответить. Василиса уловила, как профессор упёрся потухшим взглядом в ковёр. Молчать было нельзя и девушка тонко прочистила горло, намекая на необходимость слов. Он услышал и неуверенно заговорил:

— Я вам все верну. У меня есть деньги, накопления...

— Всё вернёшь, падла?! — стакан со свистом пролетел между ними и ударился о стену, разлетевшись на мелкие осколки.

От неожиданности, Василиса опрометчиво зажмурилась и, ощутив пронизывающую боль в брови, пустила слезу, переборола всхлип.

— Мою жену вернёшь, тварь?! Она у тебя была на прошлой неделе. Ты, урод, дал ей икону! — голос Мирного дрогнул, но не от жалости, а от бешенства. — Света ночами сидела с сыном, не спала, молилась, не отходила от Игоря, как ты и велел. Всё сердце своё вымотала на твоей, паскуда, помощи!

Мужчина с силой хлопнул ладонью по столу, и подошёл к полке за спиной, взяв фотографию.

— Ты знал, что у неё сердце больное? Знал, урод плешивый? Всё, что у Светы было, она отдала, чтобы ты спас нашего сына! — он вытянул снимок вперёд. — Сюда гляди, мразь!

Виктор Андреевич поднял голову, его физиономия перекосилась.

Со снимка на них смотрела улыбающаяся Светлана Юрьевна. В углу рамки виднелась траурная, чёрная ленточка.

— Ты убил мою жену, понял? Уб-и-ил! Ещё деньги за это взял, как киллер херов!

Василиса ужаснулась.

Я же могла вернуть деньги, догнать женщину. Почему не сделала? Идиотка, почему!?

Бирюза беззвучно шевелил губами.

— Отвечай!

Профессор мандражируя всем туловищем, пролепетал:

— Извините. Я не знал... Я хотел помочь... Извините меня, пожалуйста, если сможете...

— Ага, сейчас извиню. — в зрачках Мирного пробежала мимолётная тень. — Алиса, мой сейф, открой его, родная.

— А зачем?

— Открой, говорю!

Девочка с кислой физиономией направилась к дальней стене и ладонью придавив нишу под полкой. Раздался щелчок, открылась металлическая дверца с кодовым замком на панели. Пока его дочь возилась с замком, Мирный уставился на Василису.

— А ты кто такая, а? Протеже? Тоже знала, чем он промышляет и как «лечит»?

Девушка отрицательно помотала головой, не находя оправданий в своей растерянности.

— Ну понятно. От чего-то я не удивлён. Значит, и тебя за собой потянул. Поблаговари этого старого ублюдка, — сказал он и выругался на Бирюзу. — Тьфу! Как тебя вообще земля носит, мразь плешивая?

В разговор вмешалась его дочь, всё ещё пытавшаяся открыть сейф.

— Это Василиса, пап. Мама о ней рассказывала. Она не целитель, а экстрасенс. У неё прабабушка прислуживала царской семье. Она настоящая...

Охранник в полголоса произнёс «безмозглая». Прозвучало это не оскорбительно, а скорее осуждающе.

— Папа, ты слышал? Он совсем офигел что ли?! — вспыхнула Алиса, расправив тонкие плечи. — Что ты себе позволяешь, одноглазый?

— Так, тихо! — гаркнул Мирный.

— Какое «тихо»? Почему он себе такое позволяет? При маме твой цепной пёс не гавкал!

— Помолчи, Алиса. Я тебя первый и последний раз предупреждаю. А ты, Валера, — он повернулся к охраннику, — держи язык за зубами. Будешь так со своей бабой общаться, а с моей дочерью — не смей. Усёк?

Тот покорно кивнул, а Мирный, исподлюбья глядя на ассистентку, продолжил:

— Так значит, ты экстрасенс? Ну, компания, блять, достойная собралась. И что, Василиса, или как тебя там, почему не предвидела, что это случится?

Удивительно, но с интонации и мимики удалось считать — спрашивал он всерьёз. Неужели верил?

— Пап, сейф не открывается.

— Чего? — отвлечённо переспросил он, — Ах да, код. Поменял позавчера.

— Ты же никогда не менял раньше. А какой теперь?

— Знаменательная дата. День нашей свадьбы со Светой. — поникше ответил мужчина.

Повисла неловкая тишина.

— Блин, откуда я вообще знаю, когда у вас с мамой была свадьба? — возмутилась дочь, с недовольством и грустью.

Он что-то буркнул, поставил фото жены на стол, подошёл к Алисе и машинально отодвинул её, набрав какие-то цифры. Замок открылся. Внутри сейфа Василиса успела заметить бумаги, купюры долларов и аккуратно расставленные папки с крупной надписью на корешках: «ЛЕС», «СПОРТ». И оружие — пистолет.

Мирный взял его вместе с небольшой коробкой. Вернувшись в кресло, он открыл металлическую крышку, неторопливо зарядил ровно два патрона из коробки, снял предохранитель и отточенным движением передёрнул затвор, резко отведя его к курку. Пружина распрямилась, раздался звонкий щелчок неизбежного приговора.

— Пап, я не понимаю, а зачем пистолет? Ты же хотел наказать только целителя, припугнуть. — скомкано подала голос Алиса.

Бирюза, тут же уцепившись за этот спасательный круг закинутый озадаченным ребёнком, затараторил ломающимся голосом:

— Пойдите, выслушайте же меня! Это я виноват, я! Не Василиса, не она! Ваши люди, они и так с ней поступили по-скотски, как звери! Она ни при чём, ни о чём не знала! Её уже наказали!

Замедлившись, Мирный нахмурился, переводя взгляд на Валеру. Тот заметно наморщился и посмотрел в сторону ассистентки так, как если бы увидел её впервые. Девушка уловила нескрываемое отвращение в этом взоре.

Алиса, шагнула вперёд и заглянула отцу прямо в лицо.

— Папа, что это значит? Я не поняла, ты собираешься его убить или припугнуть? И что значит “поступили по-скотски” с экстрасенсом? — наивно спросила она.

Ответ витал в воздухе, очевидный для всех, но не для девочки.

Осматривая Василису с головы до ног, тот молчал. Окровавленный и заплывший глаз, запачканная грязью одежда, спутанные волосы, разорванные у пояса джинсы — всё было очевидно.

В его мимике проявилась холодное безмятежнее, личина равнодушия, что грузом ложилась поверх смятения, в котором тот пытался понять, не врёт ли Бирюза.

— Пап?! — напористо повторила Алиса, дёрнув его за предплечье. — Какого фига здесь твориться?! Ты сказал мне, что найдёшь виновного в смерти мамы и проучишь. Но ты не сооб-

щал, о чём задумал! Отпусти их! Слышишь? Я не хочу видеть убийства! И что значит “наказали”? Что твои псы сделали с ней? Отвечай!

Он очнулся. Мышцы скул напряглись, губы скривились. На шее вздулись вены, натянувшиеся связки превратились в единицы. Было видно, как гортань судорожно сжимается от растерянности и неспособности выдать звук. Не из-за того, что всплыл факт насилия — по глазам Мирному было плевать. Но дочь... Объясниться с ней ему было затруднительно.

В кабинете повисла тишина. Профессор всё ещё дрожал всем телом. Наверняка Бирюза хотел выплеснуть из себя боль, рассказать о случившемся, но не решался, боясь ещё больше разозлить Мирного.

— Изнасиловали, — безэмоционально прервал молчание Валера. — Чего тут непонятного?

Лицо Алисы исказилось, осознание пришло постепенно, а затем она взорвалась визгливым, протестующим криком:

— Изнасиловали? Что? — её губы заходили ходуном. — И эти убожества до сих пор здесь?! Боже, папа! — вскрикнула девочка так высоко, что Василису передёрнуло. — Мама бы сказала тебе, что об этом думает! А если бы это произошло со мной?! Как такое вообще возможно?! Отпусти их, живо!

— Не вопи, угомонись. Может этот шарлатан врёт нам.

— Да?! Врёт?! Да ты посмотри на неё! Бедняжка еле дышит! — крикнула Алиса ещё тоньше и ударила отца по руке, едва не выбив пистолет.

Валера недовольно отвёл взгляд, а Мирный отдернул кисть и на всякий случай поставил оружие на предохранитель.

— Разберёмся, — процедил он.

— Разберётесь?! Убьёте их и всё?! А она тут вообще каким боком? — Алиса указала в сторону Василисы. — Ты же говорил только про целителя! Проучи его, но не убивай! И так достаточно! — зашипела она под конец.

— Хватит истерить, Алиса! Что ты предлагаешь? Мы в патовом положении. Эти оба в любом случае получат по заслугам.

— Отпусти девушку! Хотя бы её! — завывала та.

— Боже, убереги меня от мысли ещё раз посвятить дочь в семейные дела и мой бизнес. — взмолился мужчина, направив глаза ввысь.

— Папа! Ради меня и Игоря, отпусти хотя бы её, прошу тебя!

— Да как? Ты ж не дура, знаешь, чем это пахнет!

— Не дура! А ты? — едко выпалила Алиса, — Когда ты услышал эфир по радио, не подумал, что целитель может быть не один? Ты же обычно всё проверяешь, почему сейчас не стал?!

— Не пори чужь. В этом не было необходимости, я выцепил его сразу как услышал и пока был шанс.

— И её! А если бы там был кто-то ещё? Сотрудник радио? Прохожие? Дети, заигравшиеся рядом?!

— Да угомонись! Видишь же, всё прошло гладко.

— Гладко, ты издеваешься? Па-а-па! — взревела она, колотя отца по плечу.

Он ловко перехватил её удары и оттолкнул в сторону.

— Хватит, вариантов нет. Всё, иди к себе и займись чем-нибудь полезным. Готовиться к поступлению в институт. И не заставляй меня жалеть, что позволил присутствовать здесь.

— Здесь? При казни?! Ты сумасшедший?!

— Да ёп твою налево... Я должен подготовить тебя к наследству, показать как всё работает и как делаются дела. Думаешь мы просто так живём в роскоши, потому что святые? Но ты не готова и, похоже, никогда не будешь, бестолочь.

— Наш дом уже утонул в грязи! В гробу я видела такое наследство! Придумай что-нибудь! Не смей здесь убивать людей! — выкрикнула она, махнув рукой в его сторону.

Он поймал её кисть, вцепившись своей пятернёй.

— Всё, довольно. Валера, отведи Алису к себе, — мужчина аккуратно подтолкнул дочь к охраннику.

Тот подошёл и взял её под плечо. Безуспешно пытаясь сопротивляться, уже на пороге она закричала:

— Я тебе этого не прощу! Слышишь?! Это низко! Мама бы этого не допустила! Не позволила! Игорь из-за тебя чуть не умер, из-за того, что у тебя руки в крови! И ты продолжаешь!

От этих слов её отец напрягся, на висках заметно проступил пот. Прежде чем Алису вывели из помещения, он отдал приказ охраннику:

— Валера, стой. Узнай у этих двоих. Если бабу изнасиловали — на улицу кретинов. Они больше на меня не работают. Рассчитай за этот месяц и выдвори.

Цепной пёс послушно кивнул. Дверь за ними захлопнулась. Недовольные вопли Алисы ещё слышались за простенком.

Мирный нехотя покосился на Василису.

— Что с глазом, экстрасенс?

Вяло и не сразу, она выдавила из себя:

— Ударили.

— Дуру из себя не строй! Потом что было? Изнасиловали?

Ответить толком не вышло, губы выдали нечто нечленораздельное, хотя слово «да» всё же прозвучало.

Мирный поднёс дуло пистолета ко лбу и почесал им морщины, вдавливая их глубже. Сложно было определить, что происходило в его черепной коробке, но на лице читалось то ли озадаченность, то ли смятение.

— Раз произошло, то извиняй. Но была бы ты настоящим экстрасенсом, знала бы всё заранее.

Он водрузился на кресле и облокотился локтями на стол, обезличенным взором уставившись на фотографию жены. Прошло несколько минут, хотя ощущалось, что время потеряло счёт.

Ассистентка и профессор стояли рядом. В мыслях вспыхивал каскад эмоций. Ненависть к себе за то, что не вернула женщине деньги. Отвращение к тому, что с ней сотворили. Злость за своё бессилие.

К этому времени Мирный уже развалился, откинувшись на спинку и опрокидывая в себя четвёртый или пятый стакан спиртного. Он мерно раскачивался, поглядывая то на фотографию, то на пистолет, лежащий рядом.

Василиса, наблюдая за этим человеческим метрономом, почувствовала такую слабость, что хотелось упасть на ковёр и больше не подниматься.

Может охранник не придёт, и этот момент застынет? Пожалуйста, не приходи. Я готова стоять так вечно, раствориться...

Дверь распахнулась. Валерий вернулся на прежнее место у зашторенного окна. Девушка наблюдала за ним затуманенным глазом и поняла, что он всё такой же холодный и безразличный. Его шакалы либо не признались, либо тот намерен их прикрыть.

Но охранник служебно отрапортовал:

— Было, Виталий Николаевич.

— Вот дебилы... — раздосадовано процедил мужчина. — Валера, ты понимаешь, что это тухляк?

— Понимаю и приношу извинения, Виталий Николаевич. Борова и Медведя вышвырнул. Больше подобное не повторится.

— А больше и не надо, уже сделано! Алиса мне теперь плешь проест! Ты как кадры набираешь, из каких соображений? Впредь все согласования по набору мне на стол. Раз ты свою работу выполнить не можешь, буду сам одобрять кандидатуры. И не смей подсовывать всякую труху. Только из доверенного круга, и чтобы лично знакомы были.

Охранник тактично промолчал. Мирный поднялся и нехотя процедил себе под нос:

— Буду звонить прокурору.

— Виталий Николаевич... — начал было Валерий.

— Да завали ты! Твой косяк! — отсёк он и поднял телефонный аппарат, набирая номер, после чего плечом толкнув неприметную узорчатую дверь в углу. — Здорово, Юра. Не спишь ещё? Слушай, нужна консультация... — утомлённо произнёс в трубку, закрывая за собой дверь.

О чём вёлся разговор, разобрать не удалось. Василиса слышала смешки и невнятные слова. Через какое-то время Мирный вернулся.

Опершись на спинку кресла, он начал пристально сверлить ассистентку взглядом.

— Слышь, деваха. Жить хочешь?

Она опешила.

— Глухая, что ли?! К тебе обращаюсь! — рявкнул он, раздражаясь.

Ассистентка пришла в себя и закивала.

— Ну, значит слушай, варианта два. Первый ты уже знаешь, и, честно говоря, он мне больше по душе. Но дочь у меня ангел небесный, благодари её. Так что есть ещё второй. Менее удобный для меня, но сносный.

Он указал пальцем на Бирюзу:

— Дашь показания против старика. Скажешь, что ваш целитель — мошенник. Что всех обманывал, собрал бабки с выступлений и свалил. Всё как есть, до мелочей. Полное сотрудничество со следствием. Присядешь как соучастница. До четырёх лет. Если за тобой косяков нет, минималкой отделаешься. Заодно осмыслишь своё поведение. Поняла?

Василиса кивнула.

— И слушай внимательно, выкинешь что-то не то или хоть пикнешь про меня — найдём и убьём. Закопаем на месте. Даже после отсидки. Устраивает?

Девушка посмотрела в его пьяные глаза, но не увидела там ничего, кроме презрения. Она повернула голову к Бирюзе, который смотрел на неё спокойно, умиротворяюще, как и всегда.

Слёзы подступали, но получилось сдержаться.

Если выживу — отомщу им. Слышите? Я отомщу, Виктор Андреевич. Сделаю всё возможное. Клянусь.

— Поняла. Устраивает.

— Ну вот и славно. И мне нормально, и дочь довольна, и этого целителя запомнят как крысу паскудную. Ну и прокурору бюрократии меньше. Да и ты жопу спасла, должна будешь.

— Она вам ничего не должна, — неожиданно твёрдо вклинился Бирюза.

В зрачках Мирного полыхнули два хищных дракона, предвкушающих огнём вынести приговор. Он схватил со стола пистолет, снял предохранитель, махнул рукой, подавая знак.

Охранник сразу рванулся к девушке, подхватил и поставил на ослабевшие ноги. Ступни загудели. Валера поволок её к выходу, выталкивая из кабинета в просторную прихожую двухэтажного особняка.

Она обернулась. Бирюза всё так же стоял на коленях и улыбался ей вслед, придавая уверенности. Улыбка не сходила с его лица, но глаза грустно блестели, наливаясь крупными каплями. Слишком крупными, даже без выпуклых линз. В них мелькнул лучик надежды и тепла, угасая и держась из последних сил, беззвучно сообщая: *«Всё хорошо, я буду в порядке. А ты живи, девочка. Живи и не сдавайся. Ты сильная, ты справишься. И прости меня. Прости, если сможешь».*

Снова мешок на голове. Темнота. Дверь захлопнулась. Выстрел. Затем рваный, бурлящий всхлип. Второй выстрел. Пуля, предназначавшаяся ей. Где-то за глухой дверью рухнуло тело. Василиса застонала, слезы хлынули обжигающими ручьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.